

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра английского языка
и методики его преподавания

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА ГОДА В
РУССКОЙ, БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ
МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 291 группы
направления 44.04.01 Педагогическое образование
профиль – «Иностранные языки в контексте современной культуры»
факультета гуманитарных дисциплин, русского и иностранных языков

Будниковой Анастасии Сергеевны

Научный руководитель
зав. кафедрой английского языка
и методики его преподавания
канд. пед. наук, доцент

26.05.2026 Г.А. Никитина

подпись, дата

Зав. кафедрой
английского языка
и методики его преподавания
канд. пед. наук, доцент

26.05.2026 Г.А. Никитина

подпись, дата

Саратов 2026 год

Введение. *Актуальность* выбранной темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения механизмов взаимодействия языка и культуры в современном обществе. Феномен «слова года», фиксирующий ключевые общественные настроения и события, представляет собой уникальный материал для выявления актуальных культурных смыслов, однако его комплексный анализ как целостного культурно-языкового знака до сих пор не получил достаточного теоретического обоснования. Применение понятия «лингвокультурема» к исследованию слов года позволяет преодолеть разрыв между их лексикографической фиксацией и культурной интерпретацией. Особую значимость данное исследование приобретает в сопоставительном аспекте, поскольку сравнение русской, британской и американской лингвокультур через призму слов-победителей дает возможность выявить как универсальные реакции на глобальные вызовы, так и национально-специфические способы концептуализации действительности.

Объект исследования – феномен «слова года» в русской, британской и американской лингвокультурах.

Предмет исследования – лингвокультурологическая специфика слов года, рассматриваемых как актуальные лингвокультуремы – комплексные единства языковой формы и культурного смысла, отражающие ключевые тенденции развития русского, американского и британского обществ в период с 2015 по 2025 год.

Цель работы – выявить сущность феномена «слова года» как актуальной лингвокультуремы и определить его роль в репрезентации культурных процессов в русской, британской и американской лингвокультурах.

Гипотеза исследования заключается в том, что рассмотрение «слова года» через призму понятия «лингвокультурема» позволяет интерпретировать его не как изолированную лексическую единицу или статистический артефакт, а как целостный знак-символ, в котором диалектически связаны языковая форма, культурные коннотации и актуальный социальный контекст, при этом

сравнительный анализ таких лингвокультурем в трех национальных традициях выявляет как глобальные тренды, так и уникальные черты каждой культуры.

Для достижения цели требуется выполнить следующие *задачи*:

- 1) систематизировать теоретико-методологические основы лингвокультурологического анализа, определив понятие «лингвокультуремы» как базовой единицы исследования;
- 2) исследовать историю, методологию и критерии выбора слов года в мировой практике как формы публичной лингвокультурной рефлексии;
- 3) разработать теоретическое обоснование для анализа феномена «слова года» сквозь призму лингвокультуремы как единицы, интегрирующей языковые и культурные компоненты;
- 4) провести лингвокультурологический анализ слов-лингвокультурем года в русской лингвокультуре за период 2015–2025 гг.;
- 5) провести лингвокультурологический анализ слов-лингвокультурем года в британской лингвокультуре за период 2015–2025 гг.;
- 6) провести лингвокультурологический анализ слов-лингвокультурем года в американской лингвокультуре за период 2015–2025 гг.;
- 7) выполнить сравнительно-сопоставительный анализ выявленных лингвокультурем в трех национальных традициях, определить универсальные механизмы культурного кодирования и национально-специфические особенности репрезентации социально значимых смыслов.

Методы исследования сочетают общенаучные и специальные лингвистические подходы: анализ и синтез научной литературы, обобщение, классификация, систематизация, исторический метод, лингвокультурологический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, контент-анализ, метод словарных дефиниций, компонентный анализ, дискурс-анализ, а также элементы этимологического анализа применяются для реконструкции истории слов года, выявления их происхождения и семантической эволюции.

Методологическую и теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингвокультурологии (В.В. Воробьев, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков, Г.В. Токарев, А.С. Мамонтов, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Карасик, В.М. Шаклеин, Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков, Ф.Ф. Фархутдинова, А.Т. Хроленко, В.В. Красных, А.Т. Грязнова, Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко). Теоретическое осмысление феномена «слова года» опирается на работы М. Эпштейна, О.С. Иссерс, Е.В. Николаевой, Т.В. Шмелевой, В.А. Буряковской, Ю.Г. Тимралиевой, Ю.А. Мельник, Л. М. Грановской, А. Ю. Романовым, М. А. Кронгауз, Н.В. Козловской, А.С. Поповой, С. Криловой.

Материал исследования – слова года, отобранные проектом М. Эпштейна (Россия, 2015–2020), Институтом русского языка им. А.С. Пушкина, (Россия, 2021–2025), Oxford Dictionary (Великобритания, 2015–2025) и Merriam-Webster (США, 2015–2025), их дефиниции, контексты употребления в медиадискурсе (Ведомости, Коммерсантъ, The Guardian, The Channel 4 News, The New York Times, The New Yorker, для анализа функционирования сленговых выражений использовался Reddit).

Научная новизна работы заключается в обосновании и применении понятия «лингвокультурема» к комплексному анализу феномена «слова года», что позволило интерпретировать его не как изолированную лексическую единицу, а как целостный знак-символ, интегрирующий языковую форму, культурные коннотации и актуальный социальный контекст. Впервые проведен системный сравнительно-сопоставительный анализ слов года как актуальных лингвокультурем в трех национальных традициях (русской, британской и американской) за одиннадцатилетний период (2015–2025), что позволило выявить как универсальные механизмы культурного кодирования, так и национально-специфические особенности репрезентации социально значимых смыслов.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении методологии лингвокультурологического анализа за счет интеграции

лексикографического, дискурсивного и семиотического подходов, а также в расширении категориального аппарата дисциплины через обоснование применимости понятия «лингвокультурема» к анализу динамических культурно-языковых феноменов. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях языковой динамики, культурной семантики, национальной картины мира и механизмов взаимодействия языка и общества.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов и выводов исследования в преподавании лингвистических дисциплин (лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лексикология, страноведение, стилистика), при разработке учебных пособий и методик анализа языковых изменений, а также в практике перевода и межкультурного коммуникации для выявления и корректной интерпретации культурно-маркированных лексических единиц.

Структура работы определена задачами исследования, логикой раскрытия темы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность работы, формулируются цели и задачи исследования, а также его теоретическое и практическое значение, указываются методы анализа.

В первой главе рассматриваются теоретические основы лингвокультурологии, методология анализа, а также обосновывается возможность рассмотрения феномена «слова года» как актуальной лингвокультуремы.

Во второй главе проводится лингвокультурологический анализ слов года в русской, британской и американской лингвокультурах (2015–2025 гг.) и их сравнительно-сопоставительный анализ.

В заключении подводится итог проведенной работы, формулируются общие выводы исследования.

Основное содержание. В результате исследования теоретико-методологических положений о слове года как маркере культуры в языке

удалось систематизировать ключевые основания лингвокультурологии как междисциплинарной области знания, интегрирующей достижения лингвистики, культурологии, антропологии, социолингвистики и других наук. Анализ работ В.В. Воробьева, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Масловой, Е.И. Зиновьевой, Е.Е. Юркова, Г.В. Токарева и других исследователей позволил выделить общее понимание лингвокультурологии как науки, изучающей живые процессы взаимодействия языка и культуры, их взаимовлияние и способы репрезентации культурных смыслов в языковых единицах. Особо подчеркнута роль языка как хранителя и транслятора культурных ценностей, формирующего национальную картину мира и менталитет.

В работе рассмотрено разнообразие методологических подходов и методов, используемых в лингвокультурологических исследованиях. Классификации Н.Ф. Алефиренко (диахронический, синхронический, структурно-функциональный, историко-генетический, типологический, сравнительно-исторический методы), В.А. Масловой (исследование конкретных лингвокультурных ситуаций, диахронический анализ, сравнительное изучение, лингвокультурная лексикография) и Г.В. Токарева дополняют друг друга, демонстрируя широту исследовательского инструментария. Показано, что в отечественной науке сложились влиятельные лингвокультурологические школы: московская (В.В. Воробьев, В.Н. Телия, В.А. Маслова, В.В. Красных, Ю.С. Степанов), волгоградская (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал), воронежская (З.Д. Попова, И.А. Стернин), кемеровская (концептуальная метафора) и другие. Для настоящего исследования базовой избрана методология московской школы, в частности подход В.В. Воробьева, развивающий идеи Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова через введение и детальную разработку понятия «лингвокультурема».

Центральное место в теоретическом обосновании работы заняло изучение категории «лингвокультурема». Обобщение определений, предложенных В.В. Воробьевым, А.С. Мамонтовым, В.Н. Телией, Ю.С. Степановым и другими, позволило зафиксировать её как диалектическое единство языкового знака, его

значения и культурного смысла. В отличие от традиционных языковых единиц, лингвокультурема требует для своего понимания выхода за пределы словарной дефиниции в область культурных ассоциаций, коллективного опыта и идеологического контекста. Особую методологическую ценность представляет четырёхаспектная семиотическая модель, предложенная В.В. Воробьевым на основе концепции Г. Клауса, которая включает семантику (языковое значение), сигматику (отношение к внеязыковому объекту), синтактику (системные и функциональные связи) и прагматику (коннотации, воздействие на адресата). Эта модель даёт инструментарий для целостного анализа единиц, в которых слиты языковое и культурное содержание.

Феномен «слова года» был рассмотрен в контексте истории возникновения глобальной практики (с 1971 г. в Германии), методологии выбора в разных странах и различных теоретических подходов к его анализу (ключевое слово текущего момента, модное слово, лингвокультурный концепт, лингвокультурный типаж, фрейм). Систематизация критериев отбора, применяемых такими авторитетными организациями, как Oxford Dictionary, Merriam-Webster, проект М. Эпштейна и другими, позволила выявить общие принципы: учёт частотности употребления, связь с ключевыми событиями года, способность отражать общественные настроения и ценностные сдвиги, лингвистическую оригинальность.

Ключевым теоретическим результатом главы стало обоснование возможности и эвристической продуктивности рассмотрения «слова года» в качестве актуальной лингвокультуры. Сопоставительный анализ характеристик лингвокультуры (по В.В. Воробьеву) и свойств феномена «слова года» выявил их структурный и функциональный изоморфизм. Слово-победитель ежегодной акции, подобно классической лингвокультуре, представляет собой не изолированную лексическую единицу, а целостный знак-символ, в котором диалектически связаны языковая форма, культурные коннотации и актуальный социальный контекст. Его понимание требует выхода в экстралингвистическую реальность, а срок его активной «жизни»

определяется продолжительностью породившего его идеологического контекста. Применение четырёхаспектной модели В.В. Воробьёва к анализу «слова года» позволяет эксплицировать его сложную природу: семантика фиксирует словарное значение, сигматика связывает слово с конкретными событиями года, синтактика раскрывает его деривационную активность и расширение сочетаемости, прагматика выявляет эмоционально-оценочный потенциал и воздействующую силу.

Во второй главе настоящего исследования были последовательно реализованы практические задачи исследования, сформулированные во введении. На материале слов-победителей российского проекта «Слово года» (М. Эпштейн, 2015–2020; Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021–2025), британского Oxford Dictionary (2015–2025) и американского Merriam-Webster (2015–2025) проведён лингвокультурологический анализ, а также выполнен их сравнительно-сопоставительный анализ. В результате удалось выявить как универсальные механизмы культурного кодирования, так и национально-специфические особенности репрезентации социально значимых смыслов в трёх лингвокультурах.

Лингвокультурологический анализ слов года в русской лингвокультуре (2015–2025) показал, что каждое слово-победитель представляет собой целостную лингвокультуру, диалектически объединяющую языковую форму, культурные коннотации и актуальный социальный контекст. Русские слова года фиксируют ключевые социально-политические и культурные изменения: «беженцы» (2015) – миграционный кризис и военный конфликт на юго-востоке Украины; «брекзит» (2016) – вовлечённость России в европейскую повестку; «реновация» (2017) – столкновение государственной инициативы с гражданским сопротивлением; «*“Новичок”*» (2018) – международное противостояние и коллективная травма; «протест» (2019) – новая волна гражданской самоорганизации; «обнуление» (2020) – метафорическое объединение политической реформы и пандемийной остановки жизни. Начиная с 2021 года наблюдается сдвиг в сторону позитивных или нейтральных,

объединяющих концептов: «спутник» (2021) – обращение к историческому научному прорыву для номинации вакцины; «наследие» (2022) – консолидация на основе культурной памяти; «нейросеть» (2023) – фиксация технологической революции; «Пушкин» (2024) – «полномасштабный символ русской культуры»; «победа» (2025) – юбилейный историко-культурный концепт. Преобладание в 2015–2020 гг. слов с негативной или кризисной окраской сменяется во второй половине десятилетия стремлением к консолидации и опоре на историческое наследие. Многослойность семантики русских слов года проявляется в том, что их дальнейшее (символическое) значение часто вытесняет ближайшее (словарное): технический термин «обнуление» обретает политический и экзистенциальный смыслы, имя собственное «Пушкин» становится символом национальной идентичности.

Лингвокультурологический анализ слов года в британской лингвокультуре (2015–2025) позволил установить, что британские слова-лингвокультуремы отражают, прежде всего, реакцию на глобальные процессы: цифровизацию (“emoji 😊”, 2015; “brain-rot”, 2024; “rage bait” 2025), экологическую угрозу (“toxic”, 2018; “climate emergency”, 2019), политическую нестабильность (“post-truth”, 2016; “toxic”, 2018), пандемию и её последствия (“unprecedented year”, 2020; “goblin mode”, 2022; “vax”, 2021). Характерной чертой британской лингвокультуры является сочетание тревожной риторики с самоиронией и юмором (“goblin mode”, 2022; “rizz”, 2023), что служит защитным механизмом в условиях кризиса. Слово года “rage bait” (2025) фиксирует новый этап осознания алгоритмических манипуляций. Зависимость понимания британских слов года от лингвокультурологической компетенции проявляется в том, что без знания контекста (Brexit для “post-truth”, пандемийных локдаунов для “goblin mode”, феномена «скроллинга» для “brain-rot”) эти лексемы остаются абстрактными или нейтральными. Активная «жизнь» каждой лингвокультуремы напрямую коррелирует с продолжительностью породившего её идеологического контекста: пик частотности “post-truth” пришёлся на 2016 год в связи с Brexit, “goblin mode” –

на 2022-й, в связи с постпандемийным периодом ослабления ковидных ограничений: население, уставшее от длительных локдаунов и давления «культуры успеха», начало массово легитимизировать «беззастенчиво распущенное, ленивое» поведение как форму психологической защиты. Пик “*rage bait*” пришёлся на 2025 год, когда пользователи окончательно осознали системный характер алгоритмической манипуляции. Таким образом, динамика частотности каждого из анализируемых слов прямо пропорциональна остроте и продолжительности породившего их социально-политического или технологического контекста: утрата актуальности этого контекста ведёт к закономерному снижению употребления и смене слова-победителя в следующем году.

Лингвокультурологический анализ слов года в американской лингвокультуре (2015–2025) выявил устойчивый фокус на внутренних социально-политических конфликтах и идеологической поляризации. Выбор суффикса “-ism” (2015) стал предвестником эпохи идеологического противостояния. Слова года “*feminism*” (2017), “*justice*” (2018), “*they*” (2019), “*polarization*” (2024) последовательно фиксируют борьбу за гендерное и расовое равенство, пересмотр языковых норм в пользу инклюзивности и углубляющийся раскол общества. Термин “*surreal*” (2016) отразил шок от результатов президентских выборов, “*gaslighting*” (2022) – кризис доверия к институтам и манипуляцию реальностью, “*authentic*” (2023) – противоречие между стремлением к подлинности и её симуляцией в эпоху ИИ, “*slop*” (2025) – насмешливое отношение к низкокачественному цифровому контенту, производимому искусственным интеллектом. Американские лингвокультуры демонстрируют высокую степень политизации: даже нейтральные на первый взгляд понятия (“*vaccine*”, 2021; “*authentic*”, 2023) приобретают поляризованные коннотации. Прагматический потенциал слов года часто носит двойственный характер: “*justice*” аккумулирует одновременно надежду на справедливость и разочарование в институтах, “*gaslighting*” из

психологического термина превращается в оружие информационных конфликтов.

В целом, в трёх лингвокультурах преобладают тревожные, негативные термины, отражая глобальные вызовы и экзистенциальные страхи. Статистический анализ сфер употребления показывает, что британская лингвокультура концентрируется на цифровых технологиях и интернет-культуре (~45%), американская – на политике и социальной справедливости (~45%), российская – биполярна: политика (~51%) и культура/историческая память (~27%) (см. Рисунок 1).

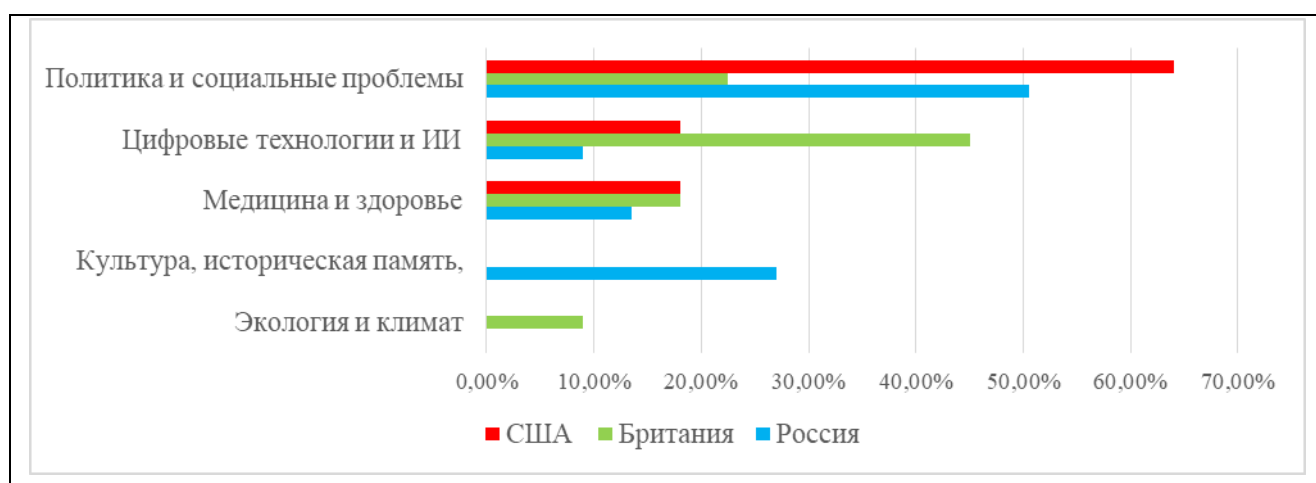

Рисунок 1 – Процентное соотношение сфер употребления слов года в трех лингвокультурах

Сравнительно-сопоставительный анализ лингвокультур в трёх национальных традициях позволил определить универсальные механизмы культурного кодирования и национально-специфические особенности.

Универсальные механизмы:

- Реакция на глобальные вызовы: пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. привела к синхронному выбору слов, связанных с кризисом и вакцинацией, во всех трёх лингвокультурах (*“pandemic”* / *“unprecedented year”* / «обнуление»; *“vaccine”* / *“vax”* / «спутник»). Это доказывает, что экстралингвистические факторы планетарного масштаба способны временно стирать национальные различия в языковой рефлексии.

- Фиксация цифровой трансформации прослеживается в том, что все три традиции в разные годы выбирали слова, связанные с новыми технологиями и их влиянием на человека (“emoji 😊”, “brain-rot”, “authentic”, “slop”, «нейросеть», “rage bait”).

- Преобладание тревожной, негативно окрашенной лексики на протяжении большей части одиннадцатилетия, что отражает коллективные страхи и экзистенциальную нестабильность.

Национально-специфические особенности:

- Британская лингвокультура ориентирована на глобальные процессы (Brexit, климат, пандемия) и цифровую культуру, сочетая аналитичность с самоиронией. Слова года часто фиксируют новые явления интернет-коммуникации (“goblin mode”, “rizz”, “brain-rot”, “rage bait”).

- Американская лингвокультура фокусируется на внутренних идеологических конфликтах: расовая и гендерная справедливость, поляризация, кризис доверия. Язык здесь выступает не столько зеркалом, сколько инструментом борьбы за смыслы.

- Русская лингвокультура демонстрирует биполярную динамику: в первой половине десятилетия (2015–2020) преобладают кризисные, травматические концепты, связанные с внешними и внутренними конфликтами; во второй половине (2021–2025) – консолидирующие, обращённые к исторической памяти и культурному канону («спутник», «наследие», «Пушкин», «победа»). Это свидетельствует о стремлении общества найти опору в традиции перед лицом нестабильности.

Таким образом, все поставленные задачи практической главы выполнены в полном объёме. Проведённый анализ подтверждает гипотезу исследования: рассмотрение «слова года» через призму понятия «лингвокультурема» и применение четырёхаспектной семиотической модели (семантика, сигматика, синтактика, прагматика) позволяет интерпретировать его как целостный знак-символ, в котором диалектически связаны языковая форма, культурные

коннотации и актуальный социальный контекст. Сравнительное исследование трёх национальных традиций выявило как общие механизмы культурного кодирования (реакция на глобальные вызовы, фиксация технологических сдвигов), так и уникальные черты каждой лингвокультуры, определяемые её историческим опытом, ценностными приоритетами и способами совладания с коллективными тревогами.

Заключение. В рамках теоретической главы была систематизирована теоретико-методологическая база лингвокультурологии как междисциплинарной области знания, изучающей диалектическое единство языка и культуры. Анализ научной литературы показал, что феномен «слова года» рассматривается в рамках нескольких концептуальных подходов: «ключевое слово текущего момента» (Т.В. Шмелева), акцентирующее рост частотности и деривационной активности лексемы; «модное слово» (Л.М. Грановская, М.А. Кронгауз), фиксирующее временный, пиковый характер популярности; «лингвокультурный концепт» (Е.В. Николаева), высвечивающий многомерную ментальную единицу, аккумулирующую культурные коннотации; «лингвокультурный типаж» (В.И. Карасик), применяемый при номинации социального типа; а также фреймовая семантика (Ч. Филлмор), позволяющая выявить устойчивые когнитивные структуры, активируемые словом-победителем. Каждый из этих подходов раскрывает отдельный аспект сложной природы «слова года», однако ни один из них не даёт интегративной модели, способной одновременно охватить языковую форму, культурное содержание и социальный контекст в их диалектическом единстве.

Именно поэтому в качестве основной единицы анализа в настоящем исследовании выбрана лингвокультурема в понимании В.В. Воробьёва – комплексное образование, в котором языковой знак, его значение и культурный смысл существуют в неразрывной связи. Лингвокультурема, в отличие от перечисленных подходов, позволяет преодолеть разрыв между лексикографической фиксацией языковой единицы и её глубинной культурной интерпретацией, объединяя семантику (языковое значение), сигматику

(отношение к внеязыковому объекту), синтактику (системные и функциональные связи) и прагматику (коннотации, воздействующий потенциал). Опираясь на четырёхаспектную семиотическую модель В.В. Воробьёва, удалось получить инструментарий для целостного анализа феномена «слова года», позволяющий интерпретировать его не как изолированную лексическую единицу, а как целостный знак-символ, в котором диалектически связаны языковая динамика, культурные коннотации и общественные настроения. Теоретическое осмысление генезиса и методологии акции «Слово года» позволило квалифицировать её как глобальную метаязыковую практику, в рамках которой общество через выбор ключевой лексемы осуществляет лингвокультурную рефлексию наиболее значимых событий и настроений уходящего года.

Во второй главе на материале слов-победителей российских проектов (М. Эпштейн, 2015–2020; Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021–2025), британского Oxford Dictionary (2015–2025) и американского Merriam-Webster (2015–2025) был проведён практический лингвокультурологический анализ. Для каждого слова года последовательно рассматривались: семантика (словарное значение, этимология), сигматика (экстралингвистические события года, сделавшие слово актуальным), синтактика (расширение сочетаемости, деривационная активность, парадигматические связи) и прагматика (эмоциональная окраска, коннотации, воздействующий потенциал в публичном дискурсе). Такой комплексный подход позволил выявить, как нейтральные или узкоспециальные лексемы под влиянием общественной повестки приобретают символическое значение и становятся маркерами коллективных переживаний.

Анализ русских слов года показал чередование кризисной повестки (2015–2020: «беженцы», «брекзит», «реновация», «Новичок», «протест», «обнуление») и консолидирующей, обращённой к исторической памяти (2021–2025: «спутник», «наследие», «Пушкин», «победа»). Британские слова года отразили доминирование глобальных процессов – цифровизации (“*emoji* 😊”, “*brain-rot*”, “*rage-bait*”), экологической угрозы (“*climate emergency*”),

политической нестабильности (*“post-truth”, “toxic”*), постпандемийной реакции (*“goblin mode”, “vax”*) – причём характерной чертой британской лингвокультуры стало сочетание тревожной риторики с самоиронией и юмором. Американские слова года, напротив, сфокусированы на внутренних идеологических конфликтах: суффикс *“-ism”* (2015) предвосхитил эпоху поляризации, *“feminism”* (2017), *“justice”* (2018), *“they”* (2019), *“polarization”* (2024) последовательно фиксировали борьбу за равенство и инклюзивность, а *“surreal”* (2016), *“gaslighting”* (2022), *“authentic”* (2023), *“slop”* (2025) отразили кризис доверия институтам, манипуляцию реальностью и насмешливое отношение к низкокачественному ИИ-контенту.

Сравнительно-сопоставительный анализ трёх лингвокультур выявил как универсальные механизмы культурного кодирования (реакция на пандемию COVID-19 в 2020–2021 гг., фиксация цифровой трансформации, преобладание тревожной лексики), так и национально-специфические особенности: британская лингвокультура ориентирована на глобальные процессы и интернет-культуру; американская – на внутренние социально-политические расколы; русская демонстрирует биполярную динамику от кризисной рефлексии к консолидации на основе исторической памяти.

Таким образом, все заявленные задачи исследования решены, основная цель достигнута. Гипотеза исследования нашла своё подтверждение. Действительно, каждое «слово года» обладает всеми характеристиками лингвокультуры, выделенными В.В. Воробьёвым:

1) *Диалектическое единство языкового знака, значения и культурного смысла («культурного ореола»)*. Слово года выходит за рамки словарной дефиниции, аккумулируя совокупность культурных ассоциаций, общественных настроений и ценностных оценок, связанных с ключевыми событиями года. Например, *«Новичок»* (2018) из нейтрального обозначения начинающего превратилось в символ химического оружия и международного противостояния; *«обнуление»* (2020) из технического термина обрело политический и экзистенциальный смыслы.

2) *Зависимость глубины понимания от лингвокультурологической компетенции носителя.* Адекватная интерпретация «слова года» невозможна без знания социально-политического, экономического и культурного контекста периода, в который это слово было актуализировано. Без знания референдума о Brexit слово “*post-truth*” (2016) остаётся абстрактным философским термином; без понимания движения #MeToo и слушаний по делу Кавано слово “*justice*” (2018) не раскрывает своей двойственной прагматики.

3) *Активная «жизнь» до тех пор, пока жив «идеологический контекст», её породивший.* Частотность употребления и семантическая насыщенность слова года непосредственно коррелируют с актуальностью тех явлений, которые оно обозначает. Пик “*post-truth*” пришёлся на 2016 год (Brexit и выборы в США), “*goblin mode*” – на 2022-й (постпандемийное выгорание). Утрата контекстом своей остроты ведёт к снижению частотности и смене слова-победителя.

4) *Обладание ближайшим (языковым) и дальнейшим (символическим, глубинным) значением.* «Слово года» характеризуется наличием как минимум двух семантических слоёв: собственно языкового значения и символического значения, формирующегося под влиянием общественной повестки. У «спутника» (2021) ближайшее значение – «космический аппарат», дальнейшее – «российская вакцина, символ научного суверенитета»; у “*they*” (2019) ближайшее – «местоимение множественного числа», дальнейшее – «инструмент гендерной инклюзивности».

5) *Способность аккумулировать и транслировать национально-специфическое видение мира.* Выбор «слова года» фиксирует фокус общественного внимания и специфику концептуализации действительности, характерную для данной лингвокультуры в данный период. Британская лингвокультура через “*climate emergency*” (2019) демонстрирует переход от сдержанной риторики к громкой, алармистской; американская через “*polarization*” (2024) фиксирует углубляющийся раскол общества; русская через

«победа» (2025) – обращение к исторической памяти как ресурсу консолидации.

Дальнейшее развитие проблематики настоящего исследования может быть связано с расширением хронологических рамок (включение более ранних или последующих периодов), привлечением материала из других национальных лингвокультур (например, немецкой, французской, китайской), что позволит выявить дополнительные типологические сходства и различия. Перспективным представляется также углублённый анализ корпусных данных для количественной верификации динамики частотности и семантических сдвигов слов-лингвокультурем, а также исследование восприятия «слов года» в разных возрастных и социальных группах носителей языка. Отдельного внимания заслуживает изучение того, как «слова года» со временем закрепляются (или не закрепляются) в лексической системе языка, переходя из разряда актуальных маркеров эпохи в разряд узусных единиц или историзмов.